



КОНЕВ
Иван
Степанович

Иван Степанович Конеv родился в 1897 году в семье бедного крестьянина деревни Лодейшо Подосиновского района Кировской области. По национальности русский. Член КПСС с 1918 года. Активный участник гражданской

войны. В Советской Армии командовал полком, дивизией, корпусом, армией, округом. В 1926 году окончил курсы усовершенствования высшего начсостава при Военной академии имени М. В. Фрунзе, а в 1934 году завершил курс обучения в этой же академии.

В годы Великой Отечественной войны командовал войсками ряда фронтов. Под командованием И. С. Конева советские войска разгромили фашистских захватчиков под Калининном, на Украине, в Польше, под Берлином и в Чехословакии.

29 июля 1944 года Ивану Степановичу Конеvu присвоено звание Героя Советского Союза. 1 июня 1945 года за новые боевые подвиги он удостоен второй медали «Золотая Звезда». Награжден орденом «Победа» и многими другими орденами и медалями. В 1944 году И. С. Конеvu присвоено воинское звание Маршала Советского Союза. Он является также Героем Чехословацкой Социалистической Республики и Героем Монгольской Народной Республики. Почетный гражданин города Ираги.

После окончания войны занимал ряд высоких постов. С мая 1955 года по 1960 год — командующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора, затем на ответственной работе в Министерстве обороны СССР.

И. С. Конеv был делегатом ряда партийных съездов, неоднократно избирался в состав ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР. В 1970 году из печати вышла его книга «Сорок пятый».

В мае 1973 года И. С. Конеv скончался.

ПОЛКОВОДЕЦ КОНЕВ

Это было в Праге весной 1945 года. В Градчанском парке буйно цвела сирень. Нежная, еще желтоватая зелень лип оживляла улицы. Влтава сверкала на солнце, как вырванный из ножен клинок.

В тот день Маршалу Советского Союза Ивану Степановичу Коневу в торжественной обстановке было присвоено звание почетного гражданина Праги. На стене древней ратуши в честь этого события была утверждена бронзовая памятная доска.

Столица Чехословакии праздновала вновь обретенную свободу. Торжественный акт, происходивший на Староместской площади, вылился в горячую демонстрацию народной благодарности Советской Армии — освободительнице.

В ту пору в Праге находилось много иностранных, главным образом западных, корреспондентов. Плотной толпой они обступили маршала. Посыпались вопросы:

— Господин маршал, чем объясняются столь убедительные успехи ваших войск?

— Скажите, когда и где вы получили военное образование?

— На Западе вас называли «генерал Вперед». В чем сущность успехов армии вашего фронта?

Мы, советские журналисты, оказавшиеся участниками этой неожиданной пресс-конференции, сразу поняли, что вопросы эти рождены довольно прочно державшейся среди союзников легендой о том, что Конев — бывший офицер царской армии и будто бы даже военное образование получил в дореволюционной академии генерального штаба.

Теперь Иван Степанович слушал вопросы корреспондентов, и его открытое круглое русское лицо, которое мне доводилось видеть спокойным в самые острые моменты боевых действий,

было, как всегда, малоодвижным, но в синих глазах играла пестрявавшая усмешка.

— Позвольте мне сразу ответить на все ваши вопросы,— заявил он.— Военное образование у меня советское, ну а, как показал исход второй мировой войны, его можно назвать, пожалуй, и самым передовым. Успехи частей, которыми я руководил, нельзя отделять от общих успехов всей Красной Армии. А победы ее во второй мировой войне я объясняю, прежде всего, тем, что ее солдаты и весь личный состав защищали свое социалистическое Отечество. И еще тем, что руководила, направляла и вдохновляла нас славная большевистская партия. Таким образом, столь очевидные успехи Красной Армии явились результатом общих успехов социалистического строя. Вот и все, господа.

Кажется, наши западные коллеги остались тогда недовольны лаконичностью неразговорчивого маршала. Но советские журналисты, и в особенности мы с Сергеем Крушинским, которым довелось в дни войны принимать участие в проведенных операциях на фронтах, руководимых И. С. Коневым, лично знать маршала и иметь возможность наблюдать его в дни боевых действий, по достоинству оценили глубину, а главное, искренность этого короткого ответа.

И. С. Конев действительно получил отличное военное образование. Опыт первой мировой войны, на которой он был солдатом, опыт гражданской войны, в которой он получил комиссарские навыки, опыт долгого пребывания на больших комиссарских и командирских постах он обобщал и оттачивал на особом факультете Военной академии имени Фрунзе, где в те дни преподавали лучшие военные теоретики страны. И, оглядываясь на прожитое, взвешивая результаты своей полководческой деятельности, маршал мог с полным правом сказать, что его военно-начальническое мастерство рождено идеями Коммунистической партии, ибо в нем инициативность сочеталась с предусмотрительностью, смелость — с политической дальновидностью, а знание всех видов современного оружия — со знанием солдатской души.

В гигантской войне, которую Советская Армия в самый трудный период вела одна против объединенных сил фашизма. И. С. Конев, куда бы ни направляла его Ставка Верховного Главнокомандования, противопоставлял искусству гитлеровских генералов советскую стратегию трезвого учета всех сил и возможностей противника. На пресловутую немецко-фашистскую тактику, часто носившую авантюрный характер, он отвечал

строго рассчитанной тактикой широкого и быстрого маневра, фланговых охватов, тактикой смелых, хорошо организованных окружений, тактикой, основанной на инициативе и умении всех исполнителей принимать быстрые решения, подсказываемые боевой обстановкой.

Жизнь И. С. Конева в какой-то степени типична для армейского большевика, вышедшего из народной гущи, воспитанного партией, поднятого ею на вершины военной и государственной деятельности. Сын бедного крестьянина северной Вологодской губернии, солдат первой мировой войны, закончивший ее артиллерийским разведчиком-фейерверкером и уже тогда успевший проявить храбрость, сметливость, свойственные его характеру, он юношей вступил в партию большевиков и с первых же дней после Октябрьской революции стал активным строителем Советской власти.

В феврале 1918 года он возвращается в свои родные края. Здесь, в Никольском уезде, он организует первую большевистскую партийную ячейку, вовлекая в нее рабочих и крестьянскую бедноту. Времена беспокойные. Борьба за Советскую власть продолжается. Белогвардейцы и иностранные интервенты атакуют молодую Советскую республику. В Никольском уезде кулаки тоже берутся за оружие. И тогда совсем еще юный большевик Иван Конев, во двадцать лет уже ставший уездным военным комиссаром, во главе насних сформированного им отряда выступает на подавление контрреволюционного восстания. Когда силы восстания были разбиты и Советская власть в уезде утверждена, юный военком является к Михаилу Васильевичу Фрунзе и просит направить его вместе с его отрядом, уже получившим боевое крещение, на один из активных фронтов гражданской войны.

— Ну что ж, добро,— отвечает Фрунзе, ласково глядя на коренастого светлоглазого юношу в старенькой, но ладно сидящей военной форме.— Идите на фронт. Такие люди теперь нам нужны.

В пожелтевшем от времени номере газеты «Плуг и молот» за 18 июня 1919 года можно прочесть: «...14 июня из города Никольска отправился на фронт добровольцем один из лучших, честных и всей душой преданных революции большевик, организатор ячейки коммунистов уездвоенком дорогой И. С. Конев». В той же газете приводятся и слова молодого военкома, сказанные им землякам на прощальном митинге. Горячие слова, в которых как бы запечатлелось романтическое кипение тех, уже далеких, лет:

«Свора империалистов со всех сторон насаждает на Советскую власть. В предсмертных судорогах она отдает все свои средства и силы на борьбу с ненавистным ей большевизмом, который отнял землю у помещиков и передал ее крестьянам, а фабрики — рабочим... Момент серьезный. Товарищи, мы идем на фронт в полной уверенности в победе и наш священный долг выполним».

Но попасть на фронт Ивану Коневу в тот раз не удалось. Фронт неожиданно возник рядом, в Костромской области, и Конев во главе своего отряда принял участие в подавлении крупного кулацкого мятежа. Дел много — горячих, опасных и очень важных для страны. Но Ивану Коневу, прирожденному военному, этого мало. Он понимает: решающие бои не здесь. Он решительно отказывается от предложенной ему крупной военной работы в тылу и настойчиво просит послать его на «настоящий фронт», где решаются судьбы революции.

— Вы кто по своей военной специальности? — спрашивает его один из военных начальников, которого он донял своими рапортами насчет отправки на фронт.

— Артиллерист. Артиллерист-разведчик. Фейерверкер, — отвечает Конев.

Мечта сбывается. Его назначают комиссаром бронепоезда «102». В те дни бронепоезда романтически называли ударной силой революции. Укомплектованные обычно командами из рабочих и матросов, они были в гражданской войне опорой в любой крупной операции, заменяя и артиллерию, и танки. Командование направляет бронепоезд «102» на Восточный фронт, а затем и на Дальний Восток, на самый горячий в те дни участок войны. Вот тут-то в этой крепости на колесах и развертываются недюжинные способности комиссара, не теряющегося ни при каких обстоятельствах.

Иван Конев быстро сумел расположить к себе весь персонал, навел в пестром его составе суровую дисциплину. В трудные моменты уже обстрелянный в двух войнах комиссар умело подсказывает не очень опытному командиру трезвые боевые решения, а при случае подает красноармейцам пример личного мужества, сам находясь всегда на опасном участке боя.

Бронепоезд «102» завоевывает добрую славу. Народная молва присваивает ему неофициальное имя «Грозный». Продвигаясь вместе с частями Красной Армии все дальше и дальше на восток, «Грозный» прославился на все Забайкалье смелыми рейдами в тыл врага, внезапными ночными налетами на вражеские гарнизоны. О боевых операциях «Грозного», о его умениях

неожиданно возникать перед противником, о его неуловимости в деревнях и охотничьих станах Дальнего Востока рассказываются почти легендарные истории.

Ну вот хотя бы рассказ о том, как однажды отступающие колчаковцы, прикрывая свои арьергарды, взорвали на пути бронепоезда мост и стальная машина была переведена на другой берег по льду... Невероятно? Да. Но так только кажется. А ведь это действительно было. Добрая слава бронепоезда, связь его команды с населением, с рабочими-железнодорожниками, которую всегда умел хорошо налаживать и на которую опирался комиссар, позволили совершить это почти невероятное дело. За ночь в тайге навалили столетних сосен. Подвезли к разрушенному мосту, выстлали лед деревянными рядами, на них положили шпалы, на шпалы рельсы и перекатили бронепоезд почти руками на другой берег Иртыша. Сначала паровоз, потом по вагонам и весь состав... Много таких рассказов ходило в те дни по Сибири, Забайкалью, и всегда в них добрым словом упоминался комиссар, немногословный, подтянутый человек в кожаной куртке, с белокурым чубом, выбивавшимся из-под фуражки.

Когда бронепоезд «102» дошел до Читы, командование выдвинуло Ивана Конева комиссаром стрелковой бригады, а затем и дивизии. В феврале 1921 года партийная конференция Забайкальского фронта избирает его делегатом X съезда РКП. Съезд этот — одна из самых суровых страниц истории партии. В дни его поднялся кронштадтский мятеж. Делегаты-мужчины добровольно отправились на подавление мятежа, и представитель Забайкальского фронта Иван Конев, вспомнив свою былую специальность фейерверкера, участвовал в штурме крепости и отличился при этом. Вернувшись в Читту, молодой большевик становится комиссаром штаба Народно-революционной армии при существовавшей тогда Дальневосточной республике, а затем комиссаром корпуса в Приморье.

Победно закончилась гражданская война. Но для армейского комиссара Конева борьба продолжается. Оставаясь в армии на больших политических постах, он активно участвует в разгроме троцкистов. А когда по приказу М. В. Фрунзе в воинских частях начинается укрепление единоначалия, его, уже опытного политработника, направляют на курсы усовершенствования высшего командного состава.

После курсов, командуя полком, дивизией, И. С. Конев обнаруживает педюжинные способности организатора и воспитателя. Он продолжает неумолимо оттачивать практические

знания, которые дала ему гражданская война. Обучая других, он сам много и упорно учится и в завершение своего практического образования оканчивает Военную академию имени Фрунзе.

В полку, в дивизии и, наконец, в корпусе он стремится воспитывать воинов по-суворовски: «Трудно в учении, легко в бою». И он учит солдат и командиров воевать в условиях, приближающихся к условиям боевой обстановки, в трудностях закаляет их для тягот будущей войны, требует совершенного владения боевой техникой.

Учения на местности. Внезапные ночные тревоги. Длинные, утомительные марши. Форсирование больших и малых водных преград — все это следует одно за другим. А потом подробные разборы с командно-политическим составом. Нелегко бойцам. Трудно командирам. Но зато становятся они настоящими солдатами, которые не растеряются ни в каких перипетиях на войне...

Краснознаменный стрелковый полк Нижегородской дивизии, которым командует Иван Конев, крепко держит первое место в округе. Полк этот становится военной школой не только для солдат, но и для командного состава. Многие командиры этого полка выросли потом в талантливых генералов, прославившихся в Великой Отечественной войне.

В дни, когда японские милитаристы, оккупировав Маньчжурию, готовились напасть на Монголию и поставить под угрозу дальневосточные коммуникации Советской страны, по просьбе монгольского правительства советские воинские части были введены в эту страну, чтобы прикрыть ее границы. Эта операция проводится группой войск под командованием И. С. Конева в труднейших условиях высокогорной пустыни Гоби, в разгар зимы, когда земля тверда как камень и лютые ветры неутомимо веют над нею. В тяжелейших условиях пустынного бездорожья части быстро занимают заранее намеченные рубежи. Закапываются в землю, тянут коммуникации. Эта сложнейшая операция совершается организованно, в рекордно короткие сроки и за двое суток до намеченного выступления японцев. Угроза предрешена, и в этом немалая заслуга руководителя операции Ивана Конева.

В Отечественную войну генерал Конев вступает командующим армией. В нем как бы одновременно живут и командир и комиссар: большой военно-начальнический опыт сочетается с глубоким знанием партийно-политической работы.

Старшее поколение советских людей никогда, наверное, не забудет короткие, скромные сообщения о наступательных опе-

рациях «частей под командованием генерала Конева» на западном направлении. Эти сообщения появлялись в августе 1941 года, в самую трагическую пору войны. По масштабам гигантского фронта, уже протянувшегося от Белого до Черного моря, это были, может быть, и не очень крупные успехи. Территория, отбитая у врага, наступавшего на огромном фронте, измерялась десятками километров. Но это были наступательные успехи, и скромные, лаконичные сообщения радовали народ, жаждавший хороших вестей с фронта. Люди видели в них как бы залог будущих побед над немецко-фашистской армией. Политическое значение этих успехов трудно переоценить.

В дни Великой Отечественной войны в полной мере развернулся талант выдающегося полководца, ставшего в конце войны одним из самых прославленных военачальников. Калининская операция, закончившаяся разгромом левого фланга огромной неприятельской группировки, устремлявшейся на Москву, и освобождением первого из оккупированных гитлеровцами областных городов... Мощный рывок частей Калининского фронта в западном направлении с выходом на город Торопец и достижение самой западной точки нашего первого зимнего наступления... Освобождение Белгорода... Харьковская операция, проведенная во взаимодействии с частями соседних фронтов... Стремительное наступление через всю Левобережную Украину, освобождение Полтавы, Кременчуга... Мощный прыжок через Днепр, быстрый прорыв так называемого Восточного вала, созданного противником, с выходом в район Криворожья... Освобождение Кировограда... «Второй Сталинград», устроенный неприятелю уже за Днепром в районе Корсунь-Шевченковский... Форсирование Южного Буга, Днестра, Прута и первый выход войск за государственную границу, перенесение войны на землю врага... Новый котел, устроенный противнику в районе Брод... Львовская операция... Выход на Вислу и занятие так называемого Сандомирского плацдарма, послужившего впоследствии одной из отправных точек для удара по Германии... Мощный рывок через всю Польшу за Одер... Охват Верхней Силезии и выход в Саксонию... Штурм Дрездена... Гигантская, проведенная в тесном взаимодействии с войсками 1-го Белорусского фронта операция, окончившаяся окружением и взятием Берлина... И наконец, освобождение Праги. Вот далеко не полный перечень операций, проведенных фронтами Советской Армии под командованием маршала Конева.

Каждая из этих операций — славная страница Великой Отечественной войны. Анализируя сейчас боевые документы,

приказы, донесения, записи телефонных разговоров, телеграфные ленты, историки смогут увидеть то, что можно назвать «полководческим почерком» маршала Конева. Это — знание состояния противника. Это — массированный удар всеми средствами боевой техники при прорыве вражеской обороны. Это — оперативно-тактическая продуманность боев в сочетании со стремительностью маневра, с неожиданностью пзбрапных направлений удара. Это — шпрота и тщательность отработки тактических деталей.

В беседе с иностранными корреспондентами, которую я привел в начале очерка, маршал мог с полным правом заявить, что в своей полководческой деятельности он стремился осуществлять самую передовую тактику, советскую тактику. И то, что в нем как бы одновременно жили инициативный, глубоко мыслящий полководец и проницательный комиссар, помогало ему впоследствии, уже в мирные годы, стать и главнокомандующим Объединенными вооруженными силами Варшавского Договора и выполнять ответственные полководческие миссии в Австрии, Венгрии, Германской Демократической Республике.

Но портрет маршала Конева будет неполным, если не показать его среди солдат и офицеров в часы сражений, на полковом и даже на батальонном наблюдательном пункте, а то и на передовой, где видели его в дни боев.

Бывало, во время подготовки операции, а потом в ходе наступления он целыми днями не вылезал из автомашины или танка, объезжал готовящиеся наступать подразделения, сам осматривал место будущего боя, подходы к неприятельским позициям и нередко руководил сражением с наблюдательного пункта дивизии или полка. Иногда фигура командующего неожиданно появлялась среди пехотинцев или танкистов, готовившихся для атаки. Он сам на месте контролировал выполнение своих приказов и строжайше взыскивал с нарушителей, какого бы высокого ранга они ни были. Нередко его видели на передовой беседующим с солдатами или офицерами.

Вспоминается рассказ о маршале, который я слышал за Днепром, в районе Корсунь-Шевченковский, когда войска наши, завершив окружение вражеской группировки, вели бой, стараясь не выпустить ее из кольца. Узкая, всего в несколько километров полоса отделяла десять вражеских дивизий от танкового соединения, рвавшегося к ним на помощь с внешней стороны кольца. Обстановка была сложная, и командующий расположил свой наблюдательный пункт в деревеньке Толстое, как раз в середине этого узкого перешейка. Снаряды, посылаемые и ок-

руженными и теми, кто рвался к ним на помощь, то и дело перелетали через эту деревню. Внезапно нагрянувшая оттепель вызвала такую распутицу, что колесный транспорт оказался парализованным. Командующий был вынужден добираться с наблюдательного пункта на танке.

По пути его танк встретил на переправе колонну машин со снарядами. Тяжелые машины завязли в грязи, и могучие их моторы гудели тоскливо и безнадежно. Командир колонны младший лейтенант, остановив танк, потребовал у плечистого человека, которого он принял за командира танка, помочь вытащить застрявшую машину с боеприпасами. Тот, кого он принимал за танкиста, заявил, что торопится и ничем, к сожалению, помочь не может. Танк заревел, рванулся с места, но лейтенант бросился наперерез машине, загородил ей путь и даже руки развел, как будто было в человеческих силах задержать стальную громадину.

— Ты что же, друг, русского языка не понимаешь, что ли! — угрожающе закричал он, хватаясь за пистолет. — Наша бригада бой ведет, слышишь, орудия бьют. Последние снаряды дошибает, а тебе лень машину с боеприпасами вытащить... Хоть давите гусеницами, не пропущу!

Рослый человек в комбинезоне вылез из башни, соскочил на снег и приказал экипажу перевезти через ручей завязшую машину. Сам он похаживал по проторенной дорожке, то и дело нетерпеливо поглядывая на часы. Кто-то шепнул лейтенанту, что это вовсе не танкист, а командующий фронтом. Юноша оробел, подбежал к И. С. Коневу, бросил руку к козырьку и хотел пробормотать форму официального извинения.

Но командующий перебил его:

— Правильно. Действия ваши одобряю. Как фамилия? Пастухов? Молодец, лейтенант Пастухов. Благодарю за службу. — И, пожав лейтенанту руку, легко поднялся на броню танка.

И когда годы спустя в праздничной Праге, переживавшей первые дни своего освобождения, на импровизированной пресс-конференции маршал Конев давал свои скупые ответы иностранным корреспондентам, я думал об этом строгом, не щедрым на слова человеке, о его жизненном пути, о его боевых делах, о высоком народном признании его полководческих качеств и гражданских заслуг.

Борис Полевой